

в самые первые дни ukazания Николая, появление у трона и то же самое время Менцеровского в еще небывалом влиянии — вот что было истинным манифестом самодержавия. Дворянская реакция, далекая, конечно, от монолитного единства, состоявшая из ряда групп и группочек, державшихся более или менее обособленно, том не менее были в этот момент к власти ближе, чем за ряд предшествующих лет. Менцеровский, правее и реакционнее которого уже никого не было, не теряя времени даром. Со всей своей упорной настойчивостью, более того — вездливостью, не раз выводящей из себя посседавших на троне его покровителей, он неустанно продвигал дело самой крайней реакции, живой нитью соединяя самодержавие Николая II с самодержавием Николая I, до конца жизни оставаясь воплощением традиций и всего подхода дореформенного царизма и крепостнического дворянства, до конца жизни не принимая ничего, что произошло после отмены крепостного права.

Л. И. ДЕРЖВИНЦА

ОПРОСНЫЕ БЛАНКИ ЧЛЕНОВ
ПЕТРОГРАДСКОГО—ЛЕНИНГРАДСКОГО СОВЕТА
VII—X СОЗЫВОВ
(1921—1925 гг.)

Вопрос о составе Советов, следовательно, и о документальных источниках о составе Советов заслуживает самого пристального изучения. В. И. Ленин, рассматривая сущность, характер Советов, подчеркивал, что «пролетарская демократия, одной из форм которой является Советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для эксплуатируемых и трудящихся». ¹ что развитие всей советской организации государства направлено к тому, чтобы «каждый член Совета», а затем «все население поголовно привлекалось постоянно как к участию в советской организации (при условии подлинности организациям трудящихся), так и к несению службы государственного управления». ² В начальные годы существования пролетарского государства «Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы. Здесь перед нами задача, — указывал при этом В. И. Ленин, — которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием». ³ Работа

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 256.

² Там же, т. 38, с. 73.

³ Там же, т. 38, с. 170.

эта являлась одной из ведущих во всей деятельности Коммунистической партии и Советской власти, и она увенчалась значительными и неоспоримыми успехами. Итак, изучение состава Советов раскрывает во всей конкретности одну из важнейших сторон сущности и истории органов управления Советского государства.

При изучении состава Совета в Петрограде—Ленинграде в 1921—1925 гг. первичными и очень подробными письменными источниками являются опросные бланки, заполнявшиеся на всех членов (депутатов) Советов. Эти документы в советской историографии до сих пор еще не рассматривались. В предлагаемой статье и предпринята попытка проанализировать их формуляр, состав.

Опросный бланк члена Петроградского Совета впервые появился осенью 1921 г. при выборах в Совет VII созыва. До этого времени на депутатов Советов заполнялись только анкеты. Они продолжали составляться и в последующие годы, несмотря на введение опросных бланков, появившихся в 1921—1923 гг. почти все основные сведения, а в 1925 г. — уже все сведения, содержащиеся в анкетах. Если в анкетах было 13—15 вопросов, то в опросных бланках — 33—35, поэтому-то опросные бланки и привлекли к себе особое внимание.

Опросный бланк члена Петроградского Совета VII созыва (1921 г.) был отпечатан типографским способом, на листе обычной (без утолщения) пачечной бумаги, размером 23×36 см (анкета депутата, и дежурнопроизводственных документах ее называли регистрационной карточкой, печаталась также типографским способом, но на листе очень плотной бумаги, размером 46×42 см; по своему виду анкета больше напоминала карточку для регистрации личного состава учреждений). В левом верхнем углу лицевой стороны бланка указывались номер и дата созыва Совета —

Седьмой созыв
— «Второй половины 1921 года»⁴ и в правом верхнем углу — «№ . . .»,

который являлся единым номером для анкеты, мандата, удостоверения и опросного бланка депутата Совета. Несколько ниже от этих пунктов формуляра давалось название самого документа: в центральной части строки — «Опросный бланк», далее в новой строки, заполняя ее полностью, «обследования состава Петроградского Губернского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов». Тем самым название документа, введенного осенью 1921 г., говорило, на наш взгляд, об эпизодичности его назначения — лишь для обследования данного состава Совета, которое и тому же могло быть сплошным, и могло быть и выборочным, и не предусматривало назначения этого документа для постоянной оперативной работы в процессе деятельности Совета, в данном случае — VII созыва. Более того, не обнаружено указаний на то, что подобные

⁴ Здесь и далее в кавычках точно воспроизведены формулировки, встречающиеся в бланках.

документы предпологалось составлять при выборах каждого нового Совета, т. е. что состав каждого созыва будет подлежать столь подробному и детальному обследованию, какое предусматривал формуляр опросного бланка.

Действительно, формуляр опросного бланка обследования состава Петросовета VII созыва требовал от его депутатов ответов на многие и самые различные вопросы. Всего этих вопросов в бланке было 35. Группировались они в семь разделов.

В первом разделе содержалось 9 вопросов. Отвечая на них, депутат указывал: 1. Фамилию, имя и отчество, «2. Месторождение. . . 3. Национальность. . . 4. Пол. . . 5. Сколько лет от роду. 6. Семейное положение (одинокий, семейный, вдов и т. п.). . . 7. Сколько членов семьи имеет на своем иждивении. . . 8. С какого времени проживает в Петрограде. . . 9. Точный адрес». Таким образом, в первом разделе сосредоточены весьма подробные биографические сведения. Интересны своей детализацией сведений о семье 6-й и 7-й пункты. При этом следует отметить, что, отвечая на 7-й вопрос, депутат указывал и большинство случаев не только число членов семьи, но и на кого в родственном отношении она состоит. Ответы на эти два вопроса помогают составить определенное мнение и о социальной подлинности депутата. Обращает на себя внимание и пункт 8-й, так как в условиях неравномерного развития и экономики, и культуры, и общественно-политического движения в стране та или иная продолжительность проживания в крупном промышленном и революционном центре, каким являлся Петроград, говорила уже сама за себя: было время или его просто не было у депутатов для восприятия всего лучшего, что может дать пролетарский город, а также для познания всех его надежд и чаяний.

Второй раздел бланка включал два вопроса: «1. От какого предприятия, учреждения, организации или воинской части избран в Петроградский Совет и «2. Кем выдвинут кандидатом». Выделение в качестве самостоятельного пункта вопроса о том, кем именно выдвинут депутат в Совет, для осени 1921 г., для Петрограда является моментом и характерным, и логичным. Только что город прошел через испытание открытым боем против вооруженных сил контрреволюции, но-прежнему город испытывал колоссальные трудности в налаживании своей нормальной, очень многосторонней жизни. Таким образом, положение Петрограда оставалось тяжелым. В этих сложнейших условиях авангардом его революционных сил, как и прежде, являлись коммунисты. Поэтому в начале 20-х годов и сведения о том, что данный депутат выдвинут не просто общим собранием такого-то предприятия, учреждения или воинской части, а фракцией, коллективом РКП(б), т. е. партийной организацией данного общественно-производственного подразделения, давали основания для более доверительного отношения к такому депутату. И это полностью оправдывалось.

Ответы на второй пункт имели в основном такие формулировки: «общим собранием», «фракцией» или «бюро фракции РКП(б)», «коллективом коммунистов» или «коллективом» и т. д.

Содержание третьего раздела бланка давало основание судить об образовательном уровне депутата и о форме обучения, пройденного им. Однако в формулировках его вопросов, нам представляется, наличествуют неполнота и неточность, которые не восполняются и соловушностью ответов на все помещенные в этот раздел три вопроса. Так, в его первом пункте записано: «1. Умеет ли писать или читать, или только читать или вовсе неграмотен». Вопрос очень детализирован, но и ограничен, односторон. И это ничем нельзя объяснить. Сама его формулировка предопределяет, что в составе Совета имеются будто бы только малограмотные (умеет ли писать или читать) или вовсе не грамотные. В то же время в составителям бланков в 1921 г., когда набирался седьмой состав Петроградского Совета, было известно, что в него войдут, как входили и до 1921 г., не только умеющие писать и (или) читать, но и высокообразованные люди.

Первый пункт третьего раздела часто зловонился депутатами подчеркиванием слов «писать» и «читать». Иногда в этом месте бланка встречается такой ответ, как «грамотный» (что можно только приветствовать).

Что касается сообщения о форме обучения, то эти сведения содержатся в ответах на вопросы: «2. Точно наименовать последнее учебное заведение, в котором обучался» и «3. Окончил ли курс». И сами вопросы, и ответы на них совершенно определены и не вызывают особых возражений. Отметим лишь, что в ответах на второй вопрос нередко встречаются сообщения о получении депутатом образования самостоятельным путем. В этих случаях особенно невольно и невольными звучат их ответы на первый вопрос — о том, что они умеют лишь писать и (или) читать. Известно, что в царской России большинству рабочих доступ в учебные заведения был закрыт и рабочие, а в определенных условиях и некоторые из разночинцев приобретали вполне разнообразные знания путем самообразования.

Возможно поэтому, более целесообразно было бы сформулировать вопрос об уровне образования обобщенно — грамотный, малограмотный, неграмотный, а в вопросе о формах обучения предусмотреть сообщение о самообразовании.

Четвертая группа вопросов бланка, в которую входят 8 пунктов и подпунктов, по общему замыслу их авторов должна содержать сведения о главном занятии депутата. На это указывает заголовок всего четвертого раздела. Но в этом же разделе депутат обязан был отвечать на вопросы не только о главном своем занятии, но и о всех занятиях во времени, а также о месте своей работы и о должности в момент выборов в Совет. Ответы на данные вопросы имелись очень важными для составления производственной и социальной характеристики депутата. Это, судя по детализации формули-

равок вопросов, понимали и сами их авторы. Воспроизведем их не точно:

«IV. Указать главное занятие:

1. Какую профессию считает своей специальностью. . .
2. а) Предприятие, учреждение, организация или воинская часть, в которой работает в настоящее время (полное наименование и адрес). . .
б) какую занимает должность. . .
в) выборную или по назначению. . .
3. Если переменял занятие, то указать главное занятие. . .
а) до войны 1914 г. . . .
б) « Октябрьской революции. . .
в) после Октябрьской революции. . . .

Итак, ясно видно, что заголовок раздела является более узким, чем содержащиеся в нем вопросы, да и вряд ли этот либо другой общий заголовок тут необходим. Данный общий заголовок раздела непосредственно относится лишь к третьему пункту. В то же время приходится отметить, что сформулирована третья часть вопроса неточно. Ответы на него возможно дать лишь по подпунктам, что совершенно правильно и было предусмотрено, но не в обобщенном виде. В том же обобщенном виде, в каком существует и тоже требует ответа этот третий вопрос, он повторяет по своей сути первый. Поэтому нет ничего удивительного в том, что этот вопрос оставался либо без ответа (и чаще всего), либо ответ на него повторял ответ на первый вопрос раздела.

На одном уровне по своей значимости с вопросами четвертого раздела стоят вопросы пятого. Они посвящены ответам о партийной принадлежности и партийном стаже депутата. Эти сведения наиболее полно и точно говорят о политических убеждениях депутата, его активности в политической жизни общества. В пятую группу вопросов вошли четыре пункта: «1. К какой партии принадлежит. . . 2. С какого времени. . . 3. Если коммунист, то указать № партийного билета. . . 4. Принадлежал ли раньше к другой партии, какой именно. . .». Формулировки всех этих вопросов и их направленность представляются логичными, полными и вряд ли могут вызвать замечания. Здесь лишь несколько выпадает по своему назначению третий вопрос, поскольку ответы на него содержат сведения, необходимые для справочной, оперативной работы Совета, а не для характеристики его депутата. Справочная функция третьего вопроса совпадает с той же функцией второй части вопроса 2а и четвертом разделе бланка (адрес места работы) и девятого вопроса первого раздела (точный адрес проживания). Наличие в вопросном бланке обследования состава Совета сведений, служащих не для социологического анализа, говорит о том, что, почти во всем дублируя анкеты депутатов Совета, полнившиеся, возможно, как указывалось выше, в качестве промежуточного, периодического документа, опросный бланк мог быть и справоч-

ным документом при оперативной работе Совета, т. е. выполнять все функции анкеты, а значит, заменить анкету, становится постоянным и обязательным для всех депутатов документом в производстве Совета.

Шестой раздел опросного бланка содержит два вопроса: «1. Сколько раз избирался членом Совета и где», «2. Организовывал ли какие-либо предприятия или учреждения, и какие (артели, кооперативы, клубы и т. п.)». Ответы на них и их анализ позволяют составить уже всестороннее и полное представление об общественно-политической активности депутата, об имеющемся у него опыте организации масс в производственной, культурно-просветительской, общественно-политической областях деятельности, а также в государственной. Но формулировка первого вопроса в этом разделе нечеткая, так как она оставляет неясным, учитывать ли данные выборы в Совет или говорить только о тех выборах, которые были ранее («сколько раз избирался. . .»). По-разному толковали этот вопрос депутаты и по-разному отвечали на него. В их ответах читаем: «первый раз», «3 раза в Петрограде, 1 раз в Вологде, 1 раз в Гатчине», «нет», «6 раз, все сессии Петросовета» и т. д. То есть одни депутаты учитывали выборы в Петросовет VII созыва, другие не учитывали, а в ответах третьих этот вопрос оставался открытым. В большинстве, однако, были вторые. Столь разноречивые ответы появились в результате нечеткости постановки вопроса.

В последнем, седьмом разделе опросного бланка содержатся вопросы о преследованиях по политическим делам и о нахождении за границей. Вопросы имеют следующие формулировки:

- «VII. 1. По каким политическим делам привлекался. . .
 2. Каким преследованиям подвергался за политическую деятельность:
 в тюрьме сидел. . . лет. . . мес.
 в ссылке » » »
 » администр. высылке. . . » »
 » каторге. . . » »
 3. Был ли за границей, где и сколько времени. . .
 4. С какой целью сидел за границу и по какой причине. . .».

Объединение в один раздел таких различных, казалось бы, вопросов, как первый и второй, с третьим и четвертым можно было бы объяснить тем обстоятельством, что в 1921 г. в органах государственной власти Советской республики активно работали лица, которые еще до 1917 г. за свою революционно-политическую деятельность подвергались преследованиям со стороны царизма, в результате чего некоторые из них вынуждены были эмигрировать. Поэтому объединение в один раздел сведений о таких формах политических преследований, как тюрьма, ссылка, каторга, административная высылка и как вынужденная политическая эмиграция, вполне можно оправдать и принять. Однако в большинстве слу-

чаев ответом на третий и четвертый вопросы седьмого раздела явились промеры, так как большинство депутатов за границей и не бывали. Очень небольшое число положительных ответов на эти вопросы меньше всего свидетельствовало о том, что депутаты Петросовета VII созыва вынуждены были когда-то эмигрировать из России по политическим мотивам. В основном эти ответы говорили о выезде за границу либо с научными, учебными целями, либо по командированию Советской властью. Поэтому можно считать не оправданным соседство в одном разделе вопросов о политических преследованиях и о пребывании за границей.

На первые два вопроса этого раздела дали положительные ответы многие депутаты Петросовета VII созыва. Но ответы на первый вопрос очень кратки: «как соц.-демократ», «да», «за принадлеж. к партии», «за участие в партии» и т. д. Возможно, объяснением такому лаконизму является отсутствие места и бланке для развернутых и полных ответов. Отсутствие именно таких ответов в бланках вызывает ныне большое сожаление.

Завершался опросный бланк подписью депутата. Следует отметить, что личная подпись депутата имеется практически на всех опросных бланках. Тем самым депутат подтверждал, заверял все тексты ответов, содержащихся в бланке. Это особенно важно подчеркнуть, так как в подавляющем большинстве бланки заполнены не депутатами. Эту работу, как известно из переписки, а также на формуляров бланков последующих лет, выполняли работники — регистраторы — Мандатной комиссии Совета. Достоверность бланка как официального документа подтверждается и круглой гербовой печатью Мандатной комиссии Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Она проставлялась в левом верхнем углу лицевой стороны бланка. Однако такая печать отсутствует на бланках депутатов, вошедших в Петросовет в результате довыборов (на место выбывших его членов). По отношению к меньшинству бланков, не имеющих круглой печати, нет особых оснований, так как заполнены они тем же порядком, и часто и знакомым уже почерком работника Мандатной комиссии Совета и подписаны членом Совета.

Наверху, в центральной части лицевой стороны бланка, заполнявший его сотрудник Мандатной комиссии указывал, от какого района избран данный депутат и состав Совета, о доверенном выбытии его из состава Совета, если таковое происходило. Подобные сведения в бланке его формуляр не предусматривал: они должны были являться в анкете. И все же мы их находим и в опросных бланках. Это говорит в пользу того, что бланк обследования состава Совета в процессе работы этого учреждения рассматривался и в качестве восточного, оперативного документа, и потому и стремились заполнить его всеми возможными сведениями о депутате. По сравнению с анкетой в бланке отсутствовали лишь следующие вопросы: «какого профсоюза и премии вступлении», «какие функции выполняет в Петросовете», а также

помета о получении депутатами мандатного удостоверения. Нам представляется странным и достойным сожаления нежелание в бланк обследования состава Совета этих двух вопросов. Они должны были быть введены в бланк на том же основании, на каком присутствуют в нем вопросы о партийности, занимаемой должности, профессии, главной занятии.

Осенью 1922 г. прошли выборы членов Петроградского Совета очередного, VIII созыва. Как и год назад, все они заполнили опросные бланки. Вид и формуляр нового бланка несколько изменились. Уменьшился размер листа в длину, бланк представлял лист размером 23×30 см. Это позволяло более равномерно расположить вопросы на его двух страницах и сделать бланк более удобным в пользовании.

На лицевой стороне бланка в верхнем левом углу значится: «Опросный бланк
члена Петроградского
1922 г.». Документ назывался теперь так: «Опросный бланк

члена Петроградского Губернского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов». Подобное изменение названия представляется существенным, поскольку оно свидетельствует о том, что бланк становится действительно постоянным и обязательным документом в делопроизводстве по личному составу для каждого члена Совета. Опросный бланк члена Совета становится, можно сказать, личным листом для учета кадров, содержащим широкий круг вопросов, позволяющих дать всеобъемлющую характеристику как отдельного депутата, так и общему составу Совета, а также, как это видно из анализа формуляра бланка 1921 г., оперативным документом в повседневной работе Совета.

В опросных бланках членов Совета VIII созыва по сравнению с опросными бланками обследования состава Совета VII созыва принципиальных различий в постановке вопросов нет. Имеются лишь уточнения их формулировок в шестом и седьмом разделах бланка. На первый вопрос шестого раздела депутат должен был сообщить, «который раз избирается членом Совета и где избирался раньше». Эта формулировка уже прямо указывает, что необходимо учитывать данные выборы в Совет. Таким образом депутаты и отвечали: «шестой раз; три раза по Искрове, 2 раза в Петрограде», «второй раз — и первый раз в VII-й созыв». Никаких различий этого вопроса в 1922 г. депутатами уже не допускалось.

Далее, более детально был сформулирован первый вопрос седьмого раздела: «Привлекался ли по политическим делам: до ноября 1917 г. . . . , после ноября 1917 г. . . . ». Мы уже отмечали, что ответы на этот вопрос в 1921 г. носили чрезвычайно лаконичный характер. Его детализация в 1922 г. была вызвана, очевидно, желанием получить более точные ответы о репрессиях по политическим делам и составить более определенную картину о стойкости политических убеждений членов Совета, их общественно-политической активности и твердости как до Октябрьской революции, так и после — в годы гражданской войны и военной интервенции. Но по-

добная детализация вопроса не привела к появлению ясности и подробностей в ответах. В них по-прежнему и большинстве случаев звучали лаконичность и категоричность: «да», «нет», «в 1913 г. за принадлеж. к большевикам», «привлекался в 1914 г.» и т. д. Собственно сама формулировка вопроса в бланках 1922 г. и предопределяла наличие в большинстве случаев глухих, ни о чем не говорящих ответов.

Никаких других изменений в постановке вопросов в опросных бланках членов Совета VIII созыва не было.

Как и в прошедшем году, они заполнялись не самими депутатами, а сотрудниками Мандатной комиссии. Но в 1922 г., в отличие от 1921 г., после подписи депутата свою фамилию проставляло лицо, заполнявшее бланк, хотя формуляр бланка наличие ее и не предусматривал. И подпись эта была четкой. В 1922 г., как это случалось и в 1921 г., некоторые бланки заполнены самими депутатами. В этих случаях после личной подписи члена Совета никаких других фамилий мы не находим.

На лицевой стороне бланка 1922 г. по-прежнему заполнявший бланк указывал район города, где депутат был набран в Совет. В отличие от бланков 1921 г. бланки 1922 г. не заверялись круглой печатью. Последнее можно принять как доказательство того, что сей документ наряду с анкетой все более становится обычным, постоянным документом по учету личного состава, не требующим особого заверения своей подлинности (в наше время личной лист, анкета тоже не заверяются круглой печатью).

В 1923 г. опрос членов Совета следующего, IX созыва фиксировался на бланках предыдущего, VIII созыва. В левом верхнем углу лицевой стороны бланка депутата Совета IX созыва поперек или

ниже текста « $\frac{\text{Несемой созыв}}{1922 \text{ г.}}$ » штампом проставлено: « $\frac{\text{Петросовлет}}{\text{9-ый созыв}}$ ».

Кроме этого, никаких других изменений формуляр опросного бланка в 1923 г. не претерпел, и ответы, зафиксированные в нем, составлялись депутатами в том же плане, что и в 1922 г. Как и в предыдущие два года, опросные бланки заполнялись не самими депутатами, но все бланки ими лично подписаны. В 1923 г. правило 1922 г., по которому бланк подписывался и лицом, его заполнившим, было сохранено (в редких случаях заполнения бланков самими депутатами такой подписи на них нет, так это было и на бланках 1922 г.).

В 1923 г. на опросных бланках депутатов, вошедших в Совет в результате довыборов, указываются фамилия и номер мандата члена Совета, которого заменил новый депутат. Сии пометы находятся на лицевой стороне бланка, в самой верхней его части. В то же время, как это было и в 1922 г., на опросных бланках депутатов, выбывших из состава Совета, никаких пометок об этом не ставилось (в 1921 г. они выскочили).

Весной 1925 г. прошли выборы членов Ленинградского Совета X созыва, которые также заполнили опросные бланки.

В целом форма опросного бланка была сохранена прежней, но по сравнению с предыдущими годами формуляр бланка 1925 г. характеризуется большей оформленностью как официального документа. Это нашло свое выражение и в следующем. На лицевой стороне бланка, в левом верхнем углу, как и раньше, указывался номер созыва Совета и год выборов — « $\frac{X-й созыв}{1925 г.}$ ».

Угол формуляр бланка потребовал сообщить номер анкеты депутата («Анкета №. . .») и несколько позже — район выборов («Район. . .»). В прошлые годы в бланках указывался просто «№. . .», без уточнения, к чему он относится. П линия сопоставления всех видов документов, удостоверяющих данное лицо как депутата Совета, выявляло, что сей номер есть единый номер для опросного бланка, анкеты, мандата, удостоверения депутата. В 1925 г. формуляр опросного бланка, потребовав указания номера анкеты, тем самым указал на отсутствие специальной нумерации опросных бланков (для сведения: как и прежде, номер анкеты совпадал с номером удостоверения и мандата). Это — упрощение, уточнение формуляра, и оно оправдано, на наш взгляд. Указание района — района, где прошли выборы депутата и Совет города, до 1925 г. формуляр бланка не предусматривал, хотя сведения об этом всегда помещались в опросные бланки. Совершенно очевидно, что эти данные нужны были. Включив сведения об этом в 1925 г. в формуляр бланка, его составители поступили правильно: поскольку они нужны, так пусть их обязательное присутствие в бланке будет закреплено самой формой документа. Название опросного бланка в 1925 г. приведено лишь в соответствии с наименованием Совета: «Опросный бланк члена Ленинградского Совета Рабочих, Крестьянских и Краснoармейских Депутатов».

В конце бланка, на оборотной стороне его листа, как и прежде, формуляр требовал личной подписи депутата, а далее — что мы видели уже значительным дополнением — указания даты заполнения бланка, подписей регистратора Мандатной комиссии, расписки члена Совета и получении им мандата и, наконец, даты его получения. Тем самым опросный бланк уже своим формуляром предусматривал ответственность за содержащееся в нем сведения и самого депутата, и конкретного сотрудника Мандатной комиссии, который выполнял данный опросный бланк. Сосредоточивались в бланке, что и закреплялось его формуляром, сведения о получении депутатом мандата — до 1925 г. эти сведения должны были помещаться и анкету. Все подписи и даты, как правило, присутствуют в бланках. Нужно отметить, что обе даты совпадают, т. е. депутат диктовал ответы на вопросы бланка и тут же получал мандатное удостоверение, в чем сразу дважды и расписывался, и датировал. Этим можно, очевидно, объяснить (хотя и в редких случаях) отсутствие второй даты. Приходится констатировать и то, что в опросных бланках 1925 г. также в редких случаях (но они имеют место) отсутствует расписка депутата и получении мандата

или расписка регистратора. Но такое неоформленное бланка действительно может вызвать ныне сожаление, но не дать оснований с сомнением относиться к достоверности сведений, содержащихся в таком бланке, ибо их вид, порядок изложения ничем не отличаются от бланков, всеми подписанных и полностью датированных.

О количестве и содержании вопросов опросных бланков 1925 г. Их число уменьшилось с 35 до 33.

В первой группе вопросов исключены пункты о числе членов семьи, находящихся на иждивении депутата, а также о том, с какого времени последний проживает в Ленинграде. Выделен в особый, восьмой раздел вопрос об адресе проживания. На наш взгляд, отказ от постановки вопроса о времени проживания депутата в Ленинграде сделан напрасно. При рассмотрении формулира бланка 1921 г. уже отмечались уместность и важность подобного вопроса к депутату. А для ленинградцев середины 20-х годов ответ на этот вопрос подчас помогал более точно объяснить, почему и депутат Совета мог быть безработным. Поэтому и представляется, что отсутствие сведений о времени проживания члена Совета в Ленинграде сушает, обедняет его характеристику.

В то же время в бланки 1925 г. (в первую группу вопросов седьмым пунктом) включен вопрос о социальном происхождении депутата Совета. Этот вопрос очень важен, его появление можно и нужно только приветствовать. Однако наиболее полно ответы на него призвучали бы вкупе с ответами на такие вопросы, как: с какого времени проживает в Ленинграде, о главном занятии до 1914 г., в 1914—1917 гг. и после 1917 г., об основной профессии, о членстве в РКП(б) и в профессиональном союзе и с какого времени и т. д. Более того, учитывать все эти вопросы и особенно первый из перечисленных при анализе ответов на новый вопрос о происхождении необходимо, поскольку очень большое количество их — почти половина — рассказало о происхождении депутатов Ленинградского Совета из семей крестьян, что явилось совершенно естественным для России первой четверти XX в.

Во втором разделе бланка 1925 г. оставлен лишь один вопрос — о предприятии, организации, воинской части, выдвинувших депутата в Совет. Вторым вопросом, бывший в этом разделе — кем выдвинута кандидатура, — в бланках 1925 г. снят. Это исключение и то время вполне оправдывалось, так как в условиях успешного, можно сказать победоносного, развития всех сторон жизни Советского государства, в том числе развития вглубь советской демократии, сведения о том, выдвинут ли депутат общим собранием или только партийной организацией, не имели уже прежней острой политической значимости.

В третьем разделе бланка — об образовании — вопросы остались фактически прежними. Изменилась лишь несколько их редакция.

«11. 1. Указать: вовсе неграмотен, малограмотен или самоучка. . .

2. Учебное заведение, в котором обучался. . .

3. Окончил ли курс или сколько классов прошел. . .

Формулировка первого вопроса стала более общей, но по-прежнему в ней имеют место и непоследовательность, и неточность, и неполнота — в нее опять не включено понятие грамотности, к тому же противопоставлены понятия об уровне грамотности и о методах его достижения («малограмотен или самоучка»). Поэтому в ответах на этот вопрос по-прежнему нет полноты, а в некоторых случаях форма и содержание ответов не предусмотрены вопросом («грамотный»). Многие же депутаты, как и раньше, оставили этот вопрос без ответа. Таким образом, на наш взгляд, формулировка первого вопроса третьего раздела оставалась весьма неудачной и в опросных бланках членов Совета X созыва. Вопрос же об образовании, культуре членов Совета, как и всех трудящихся, являлся весьма важным, сведения об этом представляли не только исторический интерес, но имели большую значимость для оперативной работы.

В четвертую группу вопросов — о специальности, месте работы, должности и о главном занятии в различные периоды — также внесены некоторые уточнения. Снят общий заголовок раздела — «Указать главное занятие». Это сделано совершенно правильно, поскольку в данном разделе требуется сообщить и о другом. Опущен также вопрос и о характере занимаемой должности — наборная она или по назначению. И это сделано правильно, поскольку из самого указания должности становится известным ее характер. Более точно сформулирован третий вопрос этого раздела бланка:

«4. Указать главное занятие:

а) до 1914 г. . .

б) с 1914 г. до Октябрьской революции. . .

в) после Октябрьской революции. . .»

Мы видим, что прежний заголовок всего четвертого раздела отнесен теперь лишь к третьему его пункту, что соответствует существу требуемых ответов; что уточнен вопрос — поставлены хронологические рамки — в подпункте б), тогда как в 1921—1922 гг. вопрос этот ограничивался указанием верхней даты, а о нижней дате следовало догадываться из формулировки вопроса в подпункте в). Таким образом, все изменения в формулировках этих вопросов бланка 1925 г. послужили их уточнению, большей логичности, снятию повторов. Об этом свидетельствуют и ответы депутатов на вопросы четвертого раздела.

В итоге разделе бланка 1925 г. некоторые изменения коснулись лишь четвертого пункта. Он дополнен вопросом о продолжительности пребывания депутата в другой — не в РКП(б) — партии. Дополнение это, казалось бы, небольшое, но оно существенно и справедливо, ибо позволяет отныне в сочетании с ответами и на другие вопросы этого, а также шестого и седьмого разделов составить наиболее полную, всестороннюю и точную характеристику политического облика депутата.

В шестом разделе бланка депутата Ленинского X созыва попросили о выборах в другие Советы выделен в самостоятельный пункт. И первый (о выборах в Ленинградский Совет), и второй (о выборах в другие Советы) вопросы этого раздела спрашивали теперь только о числе избранных депутатами Советов, и ответы на эти вопросы стали совершенно четкими. Например: «седьмой раз, нет», «2-й, 1 раз», «1-й, 2 раза» и т. д. Однако по своему содержанию — по содержанию ответов во втором пункте этого раздела — они стали значительно беднее. Теперь уже на бланках не узнаешь (а автобиографией депутаты не писали), в каких других Советах работали ранее члены Ленинградского Совета. Вопрос об организации депутатом предприятий или учреждений в 1925 г. исключен на опросного бланка, о чем можно лишь сожалеть, так как подобного рода сведения раскрывают степень общественной активности и опыта депутата, что важно и для определения более подходящей для него области деятельности Совета, и для составления характеристики депутата.

В этот же раздел опросного бланка в 1925 г. был включен, и совершенно правильно, новый пункт — о членстве депутата в профессиональном союзе и о времени вступления в него. Такой вопрос до 1925 г. находился лишь в анкетах депутатов. Его отсутствие в опросном бланке, преследующем в первую очередь цель дать всесторонний анализ состава Совета, ничем не объяснимо. Членство в профсоюзах, особенно с дореволюционного времени, а также и с 1922 г., когда повсеместно был осуществлен переход от коллективного к индивидуальному членству, говорит об определено высокой общественно-производительной, классовой активности депутата.

В седьмом разделе опросного бланка 1925 г. опущены вопросы о пребывании депутата за границей и о целях подобных поездок. Ответы на эти вопросы, учитывая их ложичность на протяжении всех предшествовавших лет, вряд ли говорили что-либо о депутате как представителе, работнике органов государственной власти. Поэтому исключение их из бланков вообще не может называться сожалением.

Как уже указывалось, в опросный бланк 1925 г. был включен новый раздел — восьмой. В нем предусматривалось сообщить наряду с адресом места проживания также адрес места работы, а затем — в какую секцию Совета записался депутат. До 1925 г. участие депутата в работе той или иной секции требовалось отметить лишь в анкете. Сосредоточение в этих сведениях в одном документе — опросном бланке — сделало его еще более полным по содержанию, а потому еще более значимым, удобным и для оперативной работы Совета.

Таков формуляр опросного бланка депутата Совета — документа по обследованию и учету личного состава Петроградского — Ленинградского Совета в 1921—1925 гг.

В заключение хотелось бы привести характеристики некоторых членов Совета тех лет, составленные на основании опросных

блянок. При этом мы сознательно опускаем фамилию, имя и отчество депутата, так как в данном случае нас это не интересует.

Итак, кто они — члены Петроградского—Ленинградского Совета 1921—1925 гг.?

Уроженец Тверской губернии, русский, 35 лет, в семье — жена и трое детей, проживал в Петербурге с 1903 г., с 17-летнего возраста; выдвигнут в Совет коллективным коммунетом завода «Арсенал» и красноармейцами батальона ЧК; грамотный, учился в техническом училище при Путиловском заводе, не окончил его; основная профессия — фрезеровщик по металлу, во время выборов в Совет работал секретарем губисполкома, до 1914 г., в период первой мировой войны и после Октября 1917 г. работал на заводе в Петрограде по специальности; член РКП(б) с 1904 г., в другие партии не входил; набирался членом Петросовета пяти со-
знаков; как социал-демократ подвергался преследованиям со стороны царизма, сидел в тюрьме 13 месяцев, в 1914 г. был выслан из Петрограда, за границей не был.

Уроженка Архангельской губернии, русская, 38 лет, в семье — два сына и три дочери, проживала в Петербурге с 1901 г., с 18-летнего возраста; выбрана в Совет общим собранием домашних хозяйств Обуховского района; умела шить и читать, окончила начальное училище; специальности не имела, всегда была домашней хозяйкой; беспартийная; преследованиям за политическую деятельность не подвергалась и за границей не была.

Уроженец Вологодской губернии, русский, 45 лет, женат, проживал в Петербурге с 1884 г., с 6-летнего возраста; выдвигнут в Совет Петроградским губкомом РКП(б); умел шить и читать, учился в городском училище, не окончил его; по основной своей профессии — кузнец, во время выборов в Совет, до и в период первой мировой войны работал кузнецом на Обуховском заводе, после Октября 1917 г. — кузнецом в Омской губернии; член РКП(б) с марта 1917 г., в другие партии не входил; в Совет был избран впервые, организовывал сельскохозяйственные мастерские в Сибирь; преследованиям за политическую деятельность не подвергался и за границей не был.

Уроженец г. Новороссийска, русский, 26 лет, холостой, из семьи рабочих; выдвигнут в Совет от безработных членов Совета водников Васильевского острова; закончил 6 классов реального училища; по основной своей профессии — радио телеграфист, во время выборов в Совет — безработный, до 1914 г. учился, в период первой мировой войны и после Октября 1917 г. был рабочим подного транспорта на Черном море, в частности в Новороссийске; беспартийный, ни в какие партии не входил; в Совет был избран впервые, с 1923 г. состоял членом профсоюза водников; преследованиям за политическую деятельность не подвергался; записан в производственную секцию.

Уроженец Финляндии, финн, 47 лет, в семье — жена и сын, проживал в Петербурге с 1892 г., с 18-летнего возраста; выдвигнут

в Совет общим собранием рабочих «Айваза»; умел писать и читать, окончил народную школу; по основной своей профессии — токарь по металлу, во время выборов в Совет являлся организатором (секретарем) коллектива РКП(б) завода «Айваз», до войны 1914 г. работал токарем по металлу, в 1914—1917 гг. находился в ссылке в Сибири, после Октября 1917 г. — на профессиональной и советской работе; член РКП(б) с января 1905 г., в другие партии не принадлежал; четыре раза избирался членом Петросвета, участвовал в организации райкома партии, кооперативов, контрольной комиссии в рабочем управлении на предприятиях; за революционную работу подвергался преследованиям со стороны царизма в 1905, 1907 и 1912 гг., сидел в тюрьме 15 месяцев, находился в ссылке в Сибири 3 года, за границей не был.

Уроженец г. Казани, еврей, 46 лет, женатый; избран в Совет от Совета по делам печати; окончил 6 классов среднего учебного заведения; по основной своей профессии — журналист, во время выборов в Совет работал в «Сообществе», до 1914 г. являлся сотрудником газет, в 1914—1917 гг. находился в тюрьме, после Октября 1917 г. — сотрудник газет; член РКП(б) с 1902 г., в другие партии не входил; в Ленинградский Совет был избран в седьмой раз, с 1922 г. являлся членом профсоюза работников просвещения; начиная с 1903 г. царское правительство 6 раз привлекало его к ответственности по политическим делам, 4,5 года сидел в тюрьме, 3 года находился в административной ссылке; записан в производственную секцию.

Уроженец г. Петербурга, русский, 38 лет, в семье — двое детей и жена, в Петербурге прожил с рождения; выдвинут в Совет коллективом 11 табачной фабрики; умел писать и читать, окончил Петроградский университет; по своей основной профессии — математик, во время выборов в Совет работал заведующим отделом народного образования Петрограда и губернии, до 1914 г. основным его занятием являлась литературная работа, во время первой мировой войны работал в газете «Советская правда» и был председателем Гатчинского Совета, после Октября 1917 г. — комиссар по делам печати и агитации; член РКП(б) с 1903 г., в другие партии не принадлежал, избирался в Советы Петрограда — 3 раза, Вологда — 1 раз, Гатчины — 1 раз, участвовал в организации клубов, профессиональных союзов, партийных коллективов и в создании 6-й армии РККА; за участие в работе партии большевиков подвергался преследованиям со стороны царизма, 5 лет пробыл в ссылке, 4 года жил в Италии и Германии по собственному желанию.

Уроженка Московской губернии, русская, 23 года, незамужняя, из семьи рабочих Васильевской мануфактуры; избрана в Совет от домохозяек Васильевского острова; грамотная, окончила начальное училище; по основной своей профессии — ткачиха, во время выборов в Совет являлась организатором женщин на ткацкой фабрике им. Желябова, до 1914 г. жила с родителями, в 1914—

1917 г. работала ткачихой, после Октября 1917 г. — нарядницей и ткачихой; член РКП(б) с 1924 г., в другие партии не входила; в Совет избрана впервые, с 1917 г. состояла членом профсоюза текстильщиц; преследованным за политическую деятельность не подвергалась; записана в секцию здравоохранения.

Уроженец г. Вильно, белорус, 43 года, в семье — жена, мать и дочь, проживал в Петербурге с 1898 г., с 20-летнего возраста; выдвинут в Совет партийной фракцией профессиональной организации Управления Николаевской ж. д.; умел писать и читать, окончил 2-классное ремесленное училище; по основной своей профессии — слесарь, во время выборов в Совет был заведующим отделом «Учпрофсоюз» Николаевской ж. д.; до войны 1914 г. и в ее период работал машинистом на этой же железной дороге, после Октября 1917 г. — на профсоюзной работе; член РКП(б) с апреля 1918 г., в другим партиям не примыкал; ранее в Советы не избирался, участвовал в организации коллектива подпольного ремесленного кооператива; в 1906 г. за участие в демонстрации в память событий 9 января 1905 г. был заключен в тюрьму, а затем на 3 года выслан из Петербурга, за границей не был.

Уроженка Кубанской области, русская, 62 года, одинокая, проживала в Петербурге с 1878 г., с 19-летнего возраста; выдвинута в Совет общим собранием домашних хозяек Московского района; умела писать, читать, окончила Высшие женские курсы; основной ее профессией являлась литературная работа, в период выборов в Совет была членом редколлегии газеты «Правда», до войны 1914 г. работала учительницей в Петербурге, в 1914—1917 гг. находилась в ссылке, после Октября 1917 г. — в Петрограде на партийной работе; член РКП(б) с 1903 г., в другие партии не входила; участвовала в организации клубов; за развитие женского революционного движения и за принадлежность к партии большевиков подвергалась преследованиям со стороны царизма, 3 года находилась в ссылке, в течение четырех месяцев путешествовала по Швейцарии и Германии.

Уроженец г. Петербурга, русский, 35 лет, холостой, в семье — отец и мать, в Петрограде проживал со дня рождения; избран в Совет коллективом фабрики «Треугольник»; умел писать и читать, учился в техническом училище, не окончил его; по основной своей профессии — слесарь, во время выборов в Совет работал слесарем на «Треугольнике», до и во время первой мировой войны был членом правления большевистской массы, после Октября 1917 г. — на фронте; член РКП(б) с октября 1917 г., в другим партиям не примыкал; ранее в Советы не избирался, принимал участие в организации клубов и коллективов; принадлежал к ответственности по политическим делам со стороны царизма, 9 месяцев сидел в тюрьме, на 3 года был выслан в г. Двинск, за границей не был.

Уроженец г. Нарва, эстонец, 37 лет, холостой, из семьи рабочих, избран в Совет Морским инженерным училищем; по своей основной профессии — слесарь, во время выборов в Совет был

слушателем Мирского инженерного училища, до 1914 г. и в период первой мировой войны находился в сельке, после Октября 1917 г. был военным моряком; член РКП(б) с 1918 г., с 1905 по 1909 г. являлся членом партии эсеров; в Ленинградский Совет был избран впервые, в Советах других мест избирался дважды; до Октября 1917 г. по политическим делам подвергался преследованиям со стороны царизма, 1 год сидел в тюрьме, 3 года находился в сельке и 1 год — на каторге; занесен в производственную и военную секции.

Уроженка г. Тифлиса, армянка, 27 лет, замужем, из семьи крестьян; избрана в Совет от 1 табачной фабрики им. Урицкого; окончила гимназию; основная ее профессия — партийная работа, по времени выборов в Совет являлась заведующей заводом Василеостровского райкома РКП(б), до 1914 г. — училась, в 1914—1917 гг. давала частные уроки, после Октября 1917 г. находилась на партийной работе; член РКП(б) с 1917 г., в других партиях не примыкала; в Ленинградский Совет избрана во второй раз, однажды была избрана в Совет другого города, с 1922 г. являлась членом профсоюза писемкусов; преследованиям за политическую деятельность не подвергалась; занесена в коммунальную секцию.

Уроженец Нижегородской губернии, русский, 38 лет, женат, выходец из семьи крестьян; избран в Совет от Балтийского завода; окончил начальное училище; по своей основной профессии — токарь по металлу, по времени выборов в Совет был директором Балтийского завода, до 1914 г. и с 1914 по 1917 г. работал товарем по металлу на заводе, после Октября 1917 г. — армия; член РКП(б) с 1909 г., с 1904 по 1908 г. являлся членом партии эсеров; в Ленинградский Совет был избран в седьмой раз, в Советах других мест не избирался, член профсоюза металлистов с 1912 г.; до Октября 1917 г. за политическую деятельность подвергался преследованиям со стороны царизма, 3 года сидел в тюрьме; занесен в производственную секцию.

Вот только 14 членов Петроградского — Ленинградского Совета из 7314, находившихся в его составе в 1921—1925 гг. И выбрали мы для иллюстрации самых различных членов Совета по возрасту и полу, по семейному положению и образованию, по основной профессии и роду занятий в момент выборов, по продолжительности, характеру и степени участия в общественно-политической деятельности в прошлом и настоящем. Эти примеры свидетельствуют, что обработка опрощенных бланков по всем содержащимся в них вопросам позволяет составить весьма обстоятельную и подробную характеристику каждого депутата Ленинградского Совета за период восстановления народного хозяйства. При этом следует подчеркнуть, что анализ состава Совета возможно провести и обобщенный. Опрощенные бланки имеются на большинство членов VII—X созывов. К сожалению, приходится отметить, что эти бланки на абсолютно всех депутатах Совета в 1921—1925 гг. обнаружить не удалось.